

Утверждаю:

Проректор по научной работе
Уральского федерального университета
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Тружаев
2018 г.

ОТЗЫВ

ведущей организации ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина» на диссертацию Андрея Андреевича Бондаренко «Грамоты польской королевы Боны Сфорца православному духовенству Великого княжества Литовского (1523–1556 гг.): источниковедческое исследование», представленную к защите на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования в диссертационный совет Д.002.018.01 при ФГБУН «Институт российской истории Российской академии наук».

Диссертационная работа А. А. Бондаренко актуальна с научной точки зрения, поскольку откликается на востребованность современной исторической науки в контекстуальном ориентировании источников в процессе их изучения, на интенсификацию междисциплинарного взаимодействия, на разработку новых принципов и приемов археографических и источниковедческих исследований. Помимо желания самого автора, тема приобрела сегодня и определенную политическую актуализацию в связи с обострением проблемы взаимодействия и степени допустимого перекрестного проникновения светских и церковных властей в сферы своих компетенций, на землях, исторически восходящих к изучаемому в диссертации региону Восточной Европы.

С полным основанием можно заявить о корректной формулировке и аргументированности постановки цели и задач диссертации, определении хронологических рамок, обосновании новизны и практической значимости проделанной работы. Историографический и источниковедческий очерки, помещенные во введении, выглядят компактными и одновременно емкими. Определение объектом исследования комплекса

грамот, а предметом – истории правоотношений, реконструируемых на основе изучения названного актового материала оправдано источниковедческим характером диссертации.

Корпус источников, на котором сфокусировано внимание автора – грамоты королевы Боны Сфорца православному духовенству Великого княжества Литовского – на взгляд историка, мало знакомого с реалиями Центральной Европы и западных регионов Европы Восточной первой половины XVI в., может представиться узким. Это чуть более 70 грамот, реализованных (в разной степени правоприменения, предусмотренного практикой «подавания») по праву церковного патроната в имениях королевы, находившихся прежде всего в границах Турово-Пинской, Владимиро-Берестейской, Киевской, Перемышльской и Самборской православных епархий. На деле сравнительный материал, представленный в работе, намного шире и с неумолимой логикой выходит в другие книги Литовской метрики, а сам поиск соответствующих документов в метрике королевы Боны и их анализ оказываются в диссертации полигоном для постановки и решения более широких тактических и стратегических (выходящих далеко за пределы метрики) задач практической и теоретической археографии, источниковедения в целом, равно как и других областей современного исторического знания. Это делает исследование А.А. Бондаренко редким и блестящим примером конкретного археографического выявления и строгой источниковедческой интерпретации документационных, институциональных и наиболее важных социальных (в широком смысле) реалий обширной контактной зоны, в которой взаимопроникали динамичные начала восточнославянской и западославянской цивилизаций раннего Нового времени.

Композиция работы Бондаренко построена в строгом соответствии с классическими нормами источниковедческого изыскания, нацеленного на изучение сложного комплекса документов, являющихся частью так называемой метрики королевы Боны, со всеми многообразными особенностями её формирования, спецификой содержания, языковыми признаками, формальными и неформальными противоречивыми характеристиками, проистекавшими от исследователей XIX – начала XXI в.). Метрика королевы представлена в диссертации как цельный документационный комплекс с выраженной логикой формирования, рождаемой, кроме всего прочего, собственной канцелярией, обладавшей отнюдь не только техническими, но и регулятивными функциями широкого диапазона, реализуемыми не в духе некоего «монаршего произвола», а сугубо рационально, осторожно, с определенным учетом меняющейся социальной и религиозно-политической обстановки как в Польше, так и на землях Великого княжества Литовского первой половины XVI в.

В разделе 1, посвященном проблеме происхождения грамот королевы Боны Сфорца православному духовенству Великого княжества Литовского главная аналитическая интрига – выявление особенностей института канцелярии королевы (состава, структуры, функций, эффективности и т.д.). Можно только порадоваться за А. А. Бондаренко: такой глубокий анализ соответствующего института в источниковедческих исследованиях встречается нечасто (за рубежом в этом отношении можно указать лишь на ряд немецких, английских и французских школ). Очень результативным, на наш взгляд, оказался сугубо археографический аспект этого раздела, акцентированный самим автором: проведенные изыскания способны помочь «разработке практической дипломатики кириллических документов Литовской метрики» (С. 282).

Раздел 2 диссертации, посвященный анализу содержания грамот королевы Боны православному духовенству Великого княжества Литовского в качестве главной идеи убедительно демонстрирует необходимость увязывания анализа содержания актового материала с преодолением противоречий в понятийном, структурном, методическом и пр. аппарате современной археографии, противоречий, накопившихся за последние десятилетия. Материал, представленный Бондаренко, на сей счет, отчасти может повергнуть в уныние. О координации усилий российских, польских, литовских, белорусских и украинских специалистов в преодолении таких противоречий хотя бы в рамках вовлечения в научный оборот неопубликованных документов Литовской метрики сегодня приходится только мечтать. В то же время, темпы издания книг архива канцелярии Литовского государства, значительно увеличившиеся в конце XX – начале XXI в., внушают осторожный оптимизм относительно научного освоения Литовской метрики.

Автор формулирует собственные идеи, направленные на разрешение упомянутых противоречий. Это, во-первых, предложение использовать категорию вида акта в качестве критерия классификации документов Литовской метрики. Во-вторых, это предложение использования термина «лист» (аутентично присущего определению значительной части кириллических грамот русско-литовского ареала XV–XVI вв.) для издательских заголовков таких документов (вместо термина «привилей», интенсивно внедряемого в делопроизводственную практику в рамках полонизации русско-литовского социально-политического и правового пространства рубежа XVI–XVII вв.). В-третьих, это предложение углублять классификацию разновидностей актов на основе учета их правового содержания и сферы воздействия. В-четвертых, это предложение использовать для соответствующих документов Литовской метрики вместо термина «жалованные грамоты» термин «данные листы». В-пятых, это предложение отнести подтверждающие листы к

разновидности актов договорного и договорно-законодательного вида, т.е. листов данных, ставленных, меновых и т.д. В-шестых, это предложение использовать термин «ставленная грамота» для обозначения тех актов Литовской метрики, которые утверждают права на священноначалие — при одновременном разделении таких документов на ставленные архиерейские листы и ставленные светские листы (что весьма актуально, в частности, для уточнения характера актов, в том или ином виде презентующих право инвеституры, принадлежащее Боне Сфорца).

Отдельно следует отметить очень важное замечание А. А. Бондаренко относительно того, что существующие в копийных книгах реестры заголовков далеко не всегда объективно передают содержание документов.

В связи с такого рода актуальнейшими для археографии и эмпирической историографии вопросами следует указать на их теснейшую связь с более широким методическим и историческим контекстами.

Специалисты по истории классического Средневековья и раннего Нового времени особенно могут заинтересоваться наблюдениями А. А. Бондаренко над сведениями метрики Боны относительно характера инвеститурных прав королевы (прежде всего — в форме *jus patronatus*) на территориях её имений. Наиболее значимы, думается, те из них, что касаются фактического ктиторства патронессы по отношению к землям, на которых стояли православные храмы (конструктивное развитие суждений И. А. Чистовича и Б. П. Флори).

Но то, что терминология ряда документов Великого княжества Литовского и в частности документов метрики содержит понятие ктиторства, вовсе не обязательно предполагает сравнение этого явления с соответствующим византийским институтом (С. 206–207), ибо заимствование данного понятия и его правового содержания институциями Польши и Великого княжества Литовского, о чем писал еще Ф. Дэльгер, могло определяться взаимовлиянием правовых практик моравских земель и ряда территорий Второго Болгарского царства, «творчески» воспринявших и переработавших византийскую схему ктиторства как наиболее гибкую там, где владения госсектора экономики сочетаются с правом на доходы с церковных земель, имеющимся у корпораций и частных лиц (особенно обладающим *jus patronatus*). Полагаем, обращение к соответствующим текстам «Эпанагоги» и «Василик» позволяют весьма неоднозначно относиться к возможностям отражения собственно балканской средневековой практики «ктиторства» документами метрик XVI в., в том числе и в формирующейся Речи Посполитой.

Еще один аспект той же проблемы. Недвусмысленный призыв диссертанта с осторожностью относиться к классификации актов Литовской метрики с применением тематического принципа может быть воспринят положительно. Однако отказываться от него полностью вряд ли целесообразно, ибо подходы и целеполагания при работе с такими документами могут быть разными, и в разных случаях тематический принцип, пусть и не в качестве основного, может, наряду с другими, сработать продуктивно. Кроме того, поставленный под сомнение применительно к работе над данной, самой по себе сложной группе актов, этот принцип может быть подвергнут критике рядом исследователей там, где он доселе срабатывал более или менее эффективно (см., например, издания некоторых комплексов бумаг Петра Великого).

И еще раз о проблематике понятий. Если, например, глава 1 раздела 1-го посвящена Великому княжеству Литовскому первой половины XVI в., то архитектура этого фона, (территория, удельные и пр. земли, этнический, а значит языковой состав населения, управленческие структуры и пр.) нацелена на презентацию условий, при которых практикует канцелярия королевы Боны, ее документооборот. На наш взгляд, глава демонстрирует «родимые пятна» традиции отечественной теории государства и права: административно-территориальное деление Литовского государства характеризуется как близкое к федеративному (наследие бывшего удельного устройства региона) (С. 58). Мы далеки от употребления сложносочиненных терминов, обильно предлагаемых взамен столь традиционного понятия англоязычной медиевистикой (и не только для описания земель Центральной Европы), но полагаем, что вариации поздней удельной практики в рамках Великого княжества Литовского оказались готовы к адаптации фольварочно-шляхтской системы польских территорий (особенно – будущих магнатерий) как корпорации псевдореспубликанского типа (что действительно отражается отчасти в ряде значений *commonwealth*) англо-саксонской сферы XVI в. (работы позитивистов типа Ф. Сибомы и др. с их вниманием к «*the English village community*»).

Во всяком случае, нюансы плюрализма церковного патроната могут демонстрироваться, как мастерски показывает А. А. Бондаренко, текстами (жалованными и подтвердительными актами, указными грамотами (листами), судебными актами, актами-записями и – в более «отраженном свете» – актами частнопроводных сделок между феодалами) в совершенно разной степени. Если при этом учесть предложенную автором схему систематизации грамот, выданных королевой Боней и ее урядниками православному духовенству Великого княжества Литовского (от «данных листов» на земли до реестров церковного имущества и частного имущества, с. 260–263), то, по нашему мнению,

подобный материал, наряду с прочим, отражает в совокупности имений Боны сходные (но не идентичные) версии того, что в польских трактатах XVI–XVII вв. (в том числе – знаменитого «Трактата о двух Сарматиях» М. Меховского 1517 г.) именуется *политией* (в римско-латинской версии) с особым акцентом на ее вечный и публичный характер. Так или иначе, предлагаемые Бондаренко систематизаторские схемы и классификационные ряды очень соответствуют не только принципу содержания документации субъектов публичного права (короля/королевы, корпораций и т.д.) тогдашних Польши, Литвы и Речи Посполитой, но и её (документации), так сказать, идеологии. В обстановке экзекуционистского движения в Польше, действий Статутов Яна Лаского и опасений (со стороны короля) распространения их норм на земли Великого княжества Литовского, огромное значение приобретали усилия короны привести в порядок королевские имущества, что, мы полагаем, и отразилось, в том числе, в характере актового материала метрики Боны Сфорца, четкости форм и содержания разбираемых А. А. Бондаренко документов. Позиции православного духовенства Великого княжества как одного из важнейших акторов в реализации (или не реализации) этой коронной политики явно придавалось большое значение. Отсюда, наряду с прочим, серьезное отношение канцелярии королевы к максимальному соответствию формы (виду, подвиду и т.д.) документации, обращенной к означенному духовенству, и ее содержанию.

А. А. Бондаренко абсолютно прав, отмечая, что эффективное обращение к документам метрики королевы Боны (а мы согласны и с тем, что подобное касается и иных групп дипломатического, сопутствующего ей материала) затрудняется целым рядом факторов. Тут и отсутствие поактовой описи всех книг Литовской метрики (о чем писалось еще в XIX в.), и уж, конечно, отсутствие официальной координации между российскими и зарубежными (прежде всего – литовскими и польскими) археографами. Правильно отмечено – последнее влияет даже на доступ к уже опубликованным материалам, тем более, что издания книг архива метрики в наше время крайне замедлилось. А это совсем не на пользу полнокровной (а на сегодняшний день – даже политически актуальной) реконструкции прошлого земель бывшего Великого княжества Литовского, королевства Польского и западной Украины России.

Все вышеизложенное показывает, что принципиальных замечаний к идеям, содержанию, построению и выводам диссертации у нас нет. Есть радость по поводу возможности дискуссии по ряду интереснейших моментов, на часть из которых было указано. В дополнение отметим лишь еще две рекомендации, также с осознанием их дискуссионности. Во-первых, автор увязывает термин «метрика» с позднелатинским

matricula и двумя его значениями, указанными в польском языке. Не уместнее ли было привлечь словарь средневековой латыни (особенно – позднесредневековой, практикуемой в том числе в Краковском университете), где *matricula* передается, прежде всего, как *catalogus*, *descriptio*, *index*? Во-вторых, отслеживание понятия «канцелярия» также полагаем целесообразным с латинского *officio* (см. соответствующее нововведение принцепса Клавдия, когда появились первые такого рода бюрократические учреждения), а их служителей как состоящих «при грамотах» – с латинского «*ab epistulis*». То и другое находит прямое соответствие в польских средневековых актах.

В итоге нам остается констатировать, что диссертационное исследование А. А. Бондаренко является актуальной и практически значимой работой. Оно отличается ярко выраженной научной новизной, содержит ценные выводы и наблюдения. Автореферат соответствует тексту диссертации и заявленной научной специальности. Пятнадцать изданных работ, включая четыре, опубликованные в ведущих научных журналах, рекомендованных ВАК, и автореферат соответствуют теме диссертационного исследования и отражают основные положения и выводы диссертации.

Представленная рукопись соответствует требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям п. 9 Положения о присуждении ученых степеней, является самостоятельным и законченным исследованием, выполненным на должном научно-теоретическом уровне, а её автору – А. А. Бондаренко – может быть присвоена искомая ученая степень кандидата исторических наук по специальности 07.00.09 – Источниковедение, историография и методы исторического исследования.

Отзыв подготовлен доктором исторических наук, профессором В. А. Аракчеевым и кандидатом исторических наук, доцентом А. С. Козловым и утвержден на расширенном заседании кафедры истории России Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина; протокол № 7 от 12 октября 2018 г.

Байдин Виктор Иванович, кандидат исторических наук, доцент, и.о. заведующего кафедрой истории России ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет

им. первого Президента России Б.Н. Ельцина»
620075, Екатеринбург, ул. Тургенева, д. № 4.

Тел.: 8(343)3502708

e-mail: baidin53@mail.ru

Подпись *Бай*
Закрываю: вед. док
С.В. Мухомов